

УДК 327:005.591.45

МРНТИ 11.25.40, 11.25.43

<https://doi.org/10.48371/ISMO.2026.64.2.022>

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ БАРЬЕРЫ МЕЖДУ СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

*Байзакова К.И.¹, Кукеева Ф.Т.², Зулпыхар Н.³

^{*1,2,3} Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Алматы, Казахстан

Аннотация. Статья посвящена анализу интеграционных барьеров между странами Центральной Азии на современном этапе (2016–2025 гг.). Актуальность исследования обусловлена тем, что в рассматриваемый период в регионе наблюдается заметная активизация межгосударственного взаимодействия, сопровождаемая расширением консультативных форматов, совместных инициатив и инфраструктурных проектов. Несмотря на это, интеграция сохраняет ограниченный характер и не переходит в форму устойчивых и обязывающих механизмов сотрудничества.

Целью статьи является выявление причин ограниченности интеграционных процессов в Центральной Азии на основе анализа политических, институциональных и практических факторов. Теоретико-методологическую основу исследования составляют неореалистический и институциональный подходы, позволяющие объяснить, почему государства региона стремятся сохранять автономию и избегают передачи полномочий наднациональным структурам. В работе применены методы ретроспективного анализа, контент-анализа официальных документов, а также case study, ориентированный на рассмотрение водной, пограничной, энергетической и транспортной сфер.

В результате исследования установлено, что интеграционные ограничения носят системный характер и воспроизводятся на всех уровнях регионального взаимодействия. В водной сфере они проявляются через асимметрию интересов и слабую исполнимость решений, в пограничной – через приоритет двустороннего урегулирования, в энергетике и транспорте – через преобладание проектного подхода. Ограниченность интеграции в Центральной Азии является результатом сознательного выбора государств. Речь идет не о простом недостатке институтов или временной незавершенности региональных процессов, а о такой модели взаимодействия, которая соответствует базовым интересам самих участников. Сделан вывод о том, что интеграция в Центральной Азии носит преимущественно координационный характер и представляет собой не классическую модель интеграции, а ее ограниченную, политически контролируемую форму.

Ключевые слова: Центральная Азия, региональная интеграция, неореализм, институционализм, двусторонние отношения, водные ресурсы, пограничные конфликты, энергетика, транспортные проекты, регионализм

Финансирование: Данная статья подготовлена в рамках финансирования МНВО РК научного проекта AP26100515 «Стратегии управления рисками и укрепление внешней политики Казахстана в условиях геополитических вызовов и региональной нестабильности»

Введение

В 2016–2025 гг. в Центральной Азии наблюдалась заметная активизация межгосударственного взаимодействия, выраженная в расширении консультативных форматов, росте числа совместных инициатив и продвижении инфраструктурных проектов. На этом фоне регион все чаще рассматривается как пространство потенциального сближения, в котором существуют предпосылки для усиления многостороннего сотрудничества. Вместе с тем сохраняется противоречие между расширением политического диалога и ограниченной глубиной самой интеграции. Несмотря на наличие региональных площадок, совместных документов и координационных механизмов, взаимодействие между государствами Центральной Азии по-прежнему не переходит в форму устойчивых и обязывающих институтов.

Актуальность исследования обусловлена тем, что современный этап развития региона позволяет проследить не только рост межгосударственной координации, но и пределы ее институционализации. Особенно отчетливо это проявляется в чувствительных сферах, связанных с распределением ресурсов, безопасностью, инфраструктурой и внешним партнерством. В этих условиях научный интерес представляет анализ причин, по которым региональное сотрудничество расширяется, но не трансформируется в классическую интеграционную модель.

Целью настоящей статьи является анализ причин ограниченности интеграции между странами Центральной Азии в 2016–2025 гг. Для достижения данной цели особое внимание уделяется политическим и институциональным барьерам, а также их проявлению в водной, пограничной, энергетической и транспортной сферах.

Проведенное исследование исходит из того, что ограниченность интеграции в Центральной Азии связана не только с объективными трудностями межгосударственного взаимодействия, но и с особенностями самой региональной модели, в рамках которой государства чаще отдают предпочтение двусторонним и проектным форматам, чем созданию жестких многосторонних механизмов. В этом смысле статья направлена на выявление внутренней логики современного регионализма в Центральной Азии и на объяснение того, почему интеграция в регионе носит преимущественно координационный, а не классически интеграционный характер [1].

Описание материалов и методов

Теоретико-методологическую основу исследования составляют неореалистический и институциональный подходы, позволяющие показать, что государства региона стремятся сочетать развитие сотрудничества с сохранением суверенной автономии и контроля над наиболее чувствительными направлениями взаимодействия. Неореализм позволяет объяснить, почему государства Центральной Азии, несмотря на наличие объективных стимулов к сотрудничеству, избегают создания жестких интеграционных механизмов, способных ограничить их суверенную автономию. Институциональный подход, в свою очередь, дает возможность проследить, как данная политическая осторожность закрепляется в характере региональных институтов, проявляясь в низкой обязательности решений, ограниченности мандатов и слабости механизмов исполнения.

В исследовании использован ретроспективный анализ, позволивший проследить развитие регионального взаимодействия в Центральной Азии в 2016–2025 гг. Выбор данного периода обусловлен тем, что именно в это время в регионе наблюдалась заметная активизация межгосударственного диалога, сопровождавшаяся расширением консультативных форматов, совместных инициатив и координационных механизмов.

В качестве основного эмпирического инструмента применен контент-анализ официальных документов, включая совместные заявления, концепции, дорожные карты, межправительственные соглашения и материалы региональных организаций. Данный метод позволил выявить соотношение между декларируемыми целями сотрудничества и реальным уровнем обязательности принятых решений.

Дополнительно использован метод case study, ориентированный на рассмотрение конкретных сфер регионального взаимодействия. В качестве ключевых кейсов были выбраны водные ресурсы, пограничные вопросы, а также энергетические и транспортные проекты. Выбор данных направлений обусловлен тем, что они позволяют проследить, как политические и институциональные барьеры проявляются в различных по характеру, но взаимосвязанных сферах сотрудничества.

Вспомогательно применен сравнительный анализ, позволивший сопоставить особенности многосторонних и двусторонних форматов взаимодействия государств Центральной Азии. Это дало возможность определить, почему в современных условиях государства региона чаще отдают предпочтение более гибким и политически контролируемым моделям сотрудничества.

1. Политические барьеры интеграции в Центральной Азии

В 2016–2025 гг. государства Центральной Азии заметно активизировали межгосударственный диалог, однако это не привело к формированию глубокой интеграции. Координация действительно расширилась, число

встреч и совместных инициатив возросло, но перехода к жестким и обязывающим механизмам не произошло. С позиций неореализма такая ситуация выглядит закономерной: в условиях приоритета суверенитета государства стремятся сохранить максимальную автономию, избегая обязательств, которые могут ограничить свободу внешнеполитического маневра [2]. Именно поэтому в регионе укрепляется сотрудничество как таковое, но не возникает полноценной интеграционной модели.

С теоретической точки зрения неореализм позволяет объяснить, почему даже при наличии общих интересов государства региона не готовы идти на углубление интеграции [3]. В центре остается логика, при которой каждая страна исходит прежде всего из собственных интересов безопасности, территориальной устойчивости и контроля над ресурсами. Отсюда вытекает осторожное отношение к любым форматам, предполагающим передачу полномочий наднациональным или хотя бы жестко координирующим структурам. Дополнительно это объяснение может быть усилено институциональным подходом: политическая осторожность государств постепенно закрепляется в самих региональных институтах, делая их решения слабо обязательными, а механизмы исполнения — ограниченными.

Если обратиться к политической практике региона, то особенно показательна эволюция Консультативных встреч глав государств Центральной Азии [4]. Они стали важным каналом диалога и подтверждают стремление стран региона чаще обсуждать общие вопросы в многостороннем формате, о чем свидетельствует выступление Президента Казахстана К.-Ж. Токаева [5]. Однако сама нормативная основа таких встреч по-прежнему строится вокруг принципов суверенитета и территориальной целостности, а не вокруг идеи передачи части полномочий общим институтам. Так, создание в 2023 г. Совета национальных координаторов стало шагом к лучшей подготовке и сопровождению договоренностей, но результаты VI консультативной встречи 9 августа 2024 г. вновь были оформлены преимущественно через концепции, дорожные карты, планы действий, меморандумы и коммюнике [6]. Это расширяет координацию, но не создает высокой степени юридической обязательности, сохраняя интеграцию в контролируемых и политически безопасных пределах.

Особенно отчетливо пределы такой интеграции проявляются в водно-энергетической сфере. Здесь интересы государств региона изначально асимметричны: страны верховья и низовья по-разному воспринимают распределение выгод и издержек, а значит, уступки становятся политически чувствительными. В этой связи даже существование многосторонних институтов не устраняет проблему, а лишь переводит ее в режим постоянных согласований. Показателен пример Международного фонда спасения Аральского моря. Несмотря на то, что в августе 2018 г. была одобрена четвертая Программа действий по оказанию помощи странам бассейна

Аральского моря, уже в 2023 г. вновь поднимался вопрос о необходимости институциональных изменений, расширения полномочий руководящих органов и обновления правовой базы. Дополнительным подтверждением затяжного характера согласований служит и то, что Всемирный банк в рамках Программы по водно-энергетическим ресурсам Центральной Азии (Central Asia Water and Energy Program) в 2021 г. отдельно указывал на продолжающийся процесс институциональной реформы данного фонда [7]. Это означает, что даже там, где потребность в координации объективно высока, государства все равно предпочитают не создавать слишком жесткие механизмы взаимных обязательств.

Не менее показательной является пограничная проблематика, прежде всего на примере отношений Кыргызстана и Таджикистана. Здесь отчетливо прослеживается цепочка «суверенитет — недоверие — двусторонность». Территориальные споры решались прежде всего через двусторонние комиссии и технические рабочие группы, а не через передачу мандата какому-либо наднациональному посреднику. По имеющимся данным, в 2023 г. топографические группы двух стран проводили неоднократные встречи и к концу года согласовали более 90% линии границы, однако даже такой прогресс не снял необходимость политического решения на высшем уровне. Лишь 13 марта 2025 г. был подписан окончательный договор о государственной границе, который внешние партнеры приветствовали как важный шаг к стабильности региона [8]. Этот пример важен потому, что показывает: даже при наличии прямой заинтересованности в урегулировании государства предпочитают сохранять процесс под собственным контролем и не выносить его в более жесткие многосторонние рамки.

Логика ограниченной интеграции прослеживается и в выборе форматов сотрудничества в транспортной и энергетической сферах. В условиях недоверия и различия интересов государства предпочитают проектный подход, то есть взаимодействие по конкретным направлениям с заранее очерченными выгодами и ограниченными обязательствами. В транспортной сфере такой подход проявился, например, в продвижении линии «Darbaza–Maktaral», ориентированной на практический результат в виде увеличения пропускной способности и ускорения перевозок.

Еще более показательным является железнодорожный проект Китай–Кыргызстан–Узбекистан, который после подписания трехстороннего межправительственного соглашения 6 июня 2024 г. был переведен в фазу реализации. В энергетике схожую траекторию демонстрирует проект Камбар-Ата-1, по которому Кыргызстан, Казахстан и Узбекистан в июне 2024 г. подписали соглашение о совместном продвижении с созданием межправительственной рабочей группы и общей структуры управления. Во всех этих случаях сотрудничество развивается не через всеобъемлющую региональную интеграцию, а через более узкие форматы, где распределение выгод и рисков остается более прозрачным и управляемым.

Наконец, важной особенностью регионального взаимодействия остается то, что часть технических и координационных функций нередко выносятся за пределы собственно центральноазиатских институтов. Так, мониторинг эффективности транспортных коридоров осуществляется в рамках Программы регионального экономического сотрудничества в Центральной Азии (Central Asia Regional Economic Cooperation) с использованием методологии измерения эффективности коридоров, разработанной при участии Азиатского банка развития. С одной стороны, это повышает практическую результативность отдельных проектов, но с другой – снижает стимулы к созданию сопоставимых обязательных механизмов внутри самого региона. Иными словами, государства Центральной Азии получают возможность сотрудничать, не доводя этот процесс до уровня глубокой институционализации, что полностью укладывается в неореалистическую логику сохранения автономии.

Таким образом, политические барьеры интеграции в Центральной Азии складываются в устойчивую причинно-следственную цепочку. Приоритет суверенитета усиливает недоверие и подчеркивает асимметрию интересов; это, в свою очередь, ведет к предпочтению двусторонних и проектных форматов; следствием становится слабая институционализация многосторонних механизмов. Поэтому ограниченность региональной интеграции объясняется не отсутствием контактов или площадок взаимодействия, а тем, что сами государства не заинтересованы в создании таких механизмов, которые могли бы реально ограничивать их свободу действий.

2. Институциональные барьеры

Несмотря на заметную активизацию регионального взаимодействия в Центральной Азии в 2016–2025 гг., институциональная база этого процесса сохраняет ограниченный характер. В регионе существуют Консультативные встречи, межгосударственные фонды, координационные советы, рабочие группы и программы сотрудничества, однако их наличие само по себе не означает перехода к глубокой интеграции. Проблема заключается не в отсутствии институтов как таковых, а в том, что большинство из них изначально не рассчитано на жесткое исполнение решений. В результате институциональная среда региона формируется как пространство согласования позиций, но не как система, способная обеспечивать обязательность и единообразие реализации достигнутых договоренностей.

С точки зрения неореализма подобная конфигурация представляется закономерной. Государства, стремящиеся сохранить максимальную автономию, заинтересованы в создании таких институтов, которые позволяют поддерживать диалог и координацию, но не ограничивают свободу политического выбора. Поэтому институты в Центральной Азии во многом выступают не инструментами надгосударственного регулирования, а площадками, где государства могут вырабатывать временные компромиссы

без передачи реальных полномочий общим структурам. Иначе говоря, институционализация здесь не отменяет приоритет суверенитета, а, напротив, адаптируется к нему.

Прежде всего, институциональные барьеры проявляются в добровольном характере принимаемых решений. Даже там, где государства демонстрируют готовность к совместным действиям, достигнутые договоренности чаще оформляются в виде концепций, дорожных карт, меморандумов, совместных заявлений и рамочных программ. Такие документы важны как политический сигнал, однако они не создают высокой степени юридической связанности. Именно поэтому даже регулярные консультативные встречи глав государств Центральной Азии, ставшие значимым элементом регионального взаимодействия, не привели к формированию механизма, сопоставимого с интеграционными моделями, где решения наднациональных или общеобязательных органов подлежат исполнению независимо от текущих политических предпочтений отдельных участников. В случае Центральной Азии институты создаются прежде всего для координации, а не для исполнения.

Следующим барьером выступает отсутствие действенных механизмов принуждения и мониторинга. В регионе фактически нет института, который обладал бы полномочиями контролировать выполнение решений, фиксировать нарушения и тем более применять санкции в случае неисполнения. Это означает, что любая договоренность остается зависимой от текущей политической воли государств. В краткосрочной перспективе такая модель позволяет избегать конфликтов вокруг суверенитета, однако в долгосрочном плане она снижает эффективность самих институтов, поскольку делает реализацию решений не обязательством, а предметом политического усмотрения. В результате институциональная архитектура Центральной Азии воспроизводит не устойчивый режим интеграции, а скорее мягкий формат межгосударственной координации.

Не менее существенным ограничением являются узкие мандаты самих региональных структур. Многие институты региона создаются для обсуждения, обмена мнениями, подготовки рекомендаций или технического сопровождения отдельных направлений сотрудничества, но не для принятия обязательных решений. Это особенно видно на примере Международного фонда спасения Аральского моря. Сам факт того, что в 2023 г. вновь поднимался вопрос о расширении полномочий его руководящих органов, реформировании организационной структуры и обновлении правовой базы, показывает: даже один из наиболее известных региональных институтов продолжает функционировать в условиях ограниченного мандата. Соответственно, проблема заключается не просто в несовершенстве отдельной организации, а в общей модели регионального институционального устройства, в которой расширение полномочий остается политически чувствительным вопросом.

Слабость институтов усиливается и их декларативным характером. Для Центральной Азии последних лет характерно увеличение числа документов, платформ и координационных форматов, однако это не всегда сопровождается сопоставимым ростом способности институтов влиять на практическое поведение государств. С одной стороны, подобная динамика может восприниматься как признак поступательной институционализации. С другой стороны, именно преобладание декларативных документов над обязательными механизмами показывает пределы такой институционализации. Иначе говоря, формальное усложнение институциональной среды не обязательно означает ее качественное укрепление. Институты могут множиться, но оставаться политически безопасными именно потому, что не обладают инструментами прямого воздействия на государства.

Дополнительной особенностью региона является вынесение части реальных координационных и мониторинговых функций за пределы собственно центральноазиатских институтов. Это особенно заметно в транспортной и водно-энергетической сферах, где важную роль играют внешние программы и международные финансовые организации. Так, мониторинг эффективности транспортных коридоров осуществляется в рамках Программы регионального экономического сотрудничества в Центральной Азии при участии Азиатского банка развития, а процессы институциональной адаптации в водно-энергетической сфере во многом поддерживаются Всемирным банком [9].

Подобная модель повышает функциональность отдельных проектов, но одновременно демонстрирует, что сами государства региона не всегда стремятся создавать внутри Центральной Азии собственные сопоставимые механизмы контроля и исполнения. Это еще раз подтверждает, что ограниченность институтов не является случайной слабостью, а представляет собой результат сознательного выбора в пользу более гибкой и менее обязывающей модели сотрудничества.

Здесь уместно кратко провести сравнение с другими интеграционными регионами, прежде всего с Европейским союзом. В европейской модели институты приобрели способность не только координировать, но и принимать решения, обязательные для участников, а также развивать процедуры контроля и правоприменения. В Центральной Азии подобная траектория не реализуется не потому, что регион не имеет общих интересов, а потому, что государства не готовы допустить перерастание координации в форму, способную ограничить их суверенную свободу действий. Следовательно, различие состоит не только в степени институционального развития, но и в принципиально иной политической логике, лежащей в основе регионального порядка.

Таким образом, институциональные барьеры интеграции в Центральной Азии проявляются в низкой обязательности решений,

отсутствии механизмов принуждения и мониторинга, ограниченных мандатах региональных структур и преобладании декларативных форм взаимодействия. Эти черты нельзя рассматривать как временную недоработку или техническую незавершенность. Напротив, они отражают сознательный выбор государств, стремящихся сохранить региональное сотрудничество в управляемых пределах и не допустить превращения институтов в самостоятельные центры обязательного регулирования. Поэтому институциональная слабость в данном случае выступает не отклонением от региональной интеграции, а одной из ее базовых характеристик на современном этапе.

Эмпирический анализ (кейсы)

Водные ресурсы в Центральной Азии представляют собой одну из наиболее показательных сфер для анализа ограниченности региональной интеграции. Это связано с тем, что водная проблематика объективно требует устойчивой координации между государствами, поскольку речь идет о трансграничных реках, сезонном распределении стока и высокой взаимозависимости стран региона. В отличие от менее чувствительных направлений сотрудничества, здесь необходимость согласованных действий определяется не только политическими декларациями, но и самой структурой региональной взаимосвязанности. Именно поэтому водная сфера позволяет особенно отчетливо увидеть, в какой степени существующие механизмы способны переводить координацию в практическое и устойчивое взаимодействие.

Ключевым препятствием в данном случае выступает асимметрия интересов государств региона. Для стран верховья, прежде всего Кыргызстана и Таджикистана, вода тесно связана с гидроэнергетикой и режимами накопления и сброса ресурсов, тогда как для стран низовья – Казахстана, Узбекистана и Туркменистана – приоритет имеет стабильное водоснабжение для сельского хозяйства и ирригации. Такая разнонаправленность интересов делает даже технически необходимую координацию политически чувствительной. В результате вода становится не только ресурсным, но и политическим вопросом, в котором любое решение затрагивает распределение выгод, издержек и контроля.

Институциональным ответом на эту проблему выступает Международный фонд спасения Аральского моря, который на протяжении длительного времени сохраняет статус одной из ключевых площадок регионального сотрудничества в водной сфере [10]. Однако сам факт существования данного института не означает автоматического преодоления интеграционных барьеров. Так, в августе 2018 г. была одобрена четвертая Программа действий по оказанию помощи странам бассейна Аральского моря, что подтвердило сохранение общего интереса к координации [11]. Вместе с тем уже в 2023 г. вновь поднимался вопрос о необходимости институционального обновления фонда, расширения полномочий его

руководящих органов и совершенствования правовой базы. Это показывает, что даже наиболее устоявшийся региональный механизм продолжает функционировать в условиях ограниченной институциональной эффективности.

На этом фоне особенно заметной становится проблема слабой исполнимости решений. Водное сотрудничество в Центральной Азии сохраняется, но в значительной степени зависит от текущих политических договоренностей и готовности государств идти на временные компромиссы. Даже при наличии согласительных институтов и программ взаимодействия не формируется такой порядок, при котором достигнутые решения автоматически обеспечивались бы обязательными процедурами контроля и реализации. Показательно, что Всемирный банк в рамках Программы по водно-энергетическим ресурсам Центральной Азии в 2021 г. отдельно указывал на продолжающийся процесс институциональной реформы Международного фонда спасения Аральского моря [7]. Само наличие длительной внешней поддержки и постоянной реформаторской повестки свидетельствует о том, что внутренние региональные механизмы пока не приобрели достаточной самостоятельности и устойчивости.

Таким образом, водная проблематика демонстрирует характерную для Центральной Азии модель ограниченной интеграции. С одной стороны, высокая взаимозависимость государств делает сотрудничество объективно необходимым. С другой стороны, асимметрия интересов, политическая чувствительность распределения ресурсов и слабая исполнимость решений не позволяют существующим институтам превратиться в полноценный механизм обязательной координации. Поэтому даже в сфере, где потребность в совместных действиях особенно велика, интеграция остается преимущественно мягкой, политически контролируемой и зависимой от текущего межгосударственного согласия.

Пограничные вопросы. Пограничные вопросы в Центральной Азии представляют собой еще более жесткий тест интеграции, чем водная проблематика, поскольку затрагивают не только распределение ресурсов, но и вопросы безопасности, территориальной целостности и политического доверия между государствами. Если в водной сфере координация остается объективно необходимой в силу трансграничного характера рек, то в пограничной сфере государства особенно чувствительны к любым решениям, которые могут быть восприняты как ограничение суверенитета. Именно поэтому границы позволяют наиболее наглядно увидеть пределы региональной интеграции: даже при наличии заинтересованности в стабильности государства предпочитают сохранять процесс урегулирования под собственным контролем, не передавая его в жесткие многосторонние рамки.

Особенно показательным в этом отношении является кыргызско-таджикский кейс. На протяжении последних лет именно данный

участок регионального пространства оставался одним из наиболее конфликтных. Пограничные инциденты и кризисные эпизоды 2021–2022 гг. продемонстрировали, что незавершенность делимитации и демаркации границы способна перерасти в серьезные конфликтные ситуации, затрагивающие не только локальные сообщества, но и общую атмосферу межгосударственных отношений в регионе. При этом важно, что причины напряженности не сводились исключительно к одному фактору, например доступу к воде, а включали более широкий комплекс вопросов — контроль над территориями, дорогами, приграничной инфраструктурой и режимом безопасности.

С точки зрения общей логики статьи данный пример подтверждает вывод, сделанный в предыдущих разделах: приоритет суверенитета и сохраняющийся дефицит доверия препятствуют формированию более глубокой интеграционной модели. Даже в ситуации, когда конфликт создавал очевидную угрозу региональной стабильности, государства не пошли по пути передачи мандата какому-либо наднациональному или жестко институционализированному механизму. Урегулирование осуществлялось через двусторонние комиссии, переговоры, рабочие группы и прямые политические контакты. Тем самым пограничная проблематика демонстрирует, что в Центральной Азии даже в наиболее чувствительных вопросах предпочтение по-прежнему отдается не многосторонней интеграционной логике, а двустороннему управлению кризисом.

Показательно, что и сам процесс согласования границы между Кыргызстаном и Таджикистаном носил затяжной характер. По имеющимся данным, в 2023 г. топографические группы двух стран неоднократно встречались для продвижения делимитации и демаркации, а к концу года было согласовано более 90% линии границы [12]. Тем не менее даже такой уровень согласования не означал автоматического завершения процесса. Как уже было выше отмечено окончательное решение потребовало политической развязки на высшем уровне, и только 13 марта 2025 г. был подписан договор о государственной границе [8]. Данный факт имеет принципиальное значение: он показывает, что даже успешное урегулирование было достигнуто не благодаря сильному региональному институту, а за счет длительных двусторонних переговоров и политической воли руководства двух государств.

В этом смысле соглашение 2025 г. следует рассматривать не как опровержение тезиса об ограниченности интеграции, а, напротив, как его подтверждение. Региональное пространство действительно способно производить договоренности и снижать напряженность, однако делает это преимущественно через межгосударственные механизмы, сохраняющие полный контроль участников над процессом и результатом. Иначе говоря, даже когда государства приходят к компромиссу, они предпочитают не институционализировать его в форме, которая могла бы создать обязательный

прецедент для будущих споров. Такая модель сохраняет гибкость, но одновременно ограничивает глубину самой интеграции, поскольку не превращает урегулирование в элемент устойчивого надгосударственного порядка.

Таким образом, пограничные вопросы в Центральной Азии показывают, что пределы интеграции определяются не отсутствием потребности в сотрудничестве, а нежеланием государств передавать контроль над наиболее чувствительными сферами за пределы национального уровня. Даже в условиях конфликтных ситуаций и очевидной заинтересованности в стабильности страны региона продолжают опираться прежде всего на двусторонние механизмы и политические договоренности, а не на обязательные многосторонние институты. Поэтому границы действительно выступают одним из наиболее наглядных пределов региональной интеграции, где приоритет суверенитета оказывается сильнее логики институционального сближения.

Энергетика и транспорт. В энергетической и транспортной сферах государства Центральной Азии демонстрируют более высокий уровень практической кооперации, чем в водной и пограничной проблематике. Это связано с тем, что в данных направлениях сотрудничество чаще строится вокруг конкретных экономических выгод, инфраструктурных потребностей и измеримых результатов. Однако именно здесь особенно отчетливо видно, что речь идет не о глубокой региональной интеграции, а о ее проектном пределе. Иначе говоря, государства региона способны совместно продвигать отдельные инициативы, но не стремятся превращать такую кооперацию в устойчивую систему общеобязательных многосторонних механизмов.

В энергетике данная логика наглядно проявляется на примере проекта Камбар-Ата-1. С одной стороны, участие Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана в совместном продвижении проекта показывает наличие заинтересованности в координации усилий в стратегически важной сфере. Подписание в июне 2024 г. соглашения о совместной реализации, а также создание межправительственной рабочей группы и общей структуры управления свидетельствуют о том, что государства региона готовы переходить от политических деклараций к более предметному взаимодействию. С другой стороны, даже этот пример не означает появления полноценного регионального интеграционного механизма. Речь идет о сотрудничестве ограниченного круга государств вокруг конкретного проекта, а не о формировании общей общеобязательной энергетической архитектуры Центральной Азии. Следовательно, кооперация развивается там, где она приносит прямой и понятный эффект, но остается узкофункциональной и не перерастает в более широкую интеграционную модель.

Аналогичная ситуация наблюдается и в транспортной сфере. Железнодорожный проект Китай–Кыргызстан–Узбекистан демонстрирует,

что Центральная Азия способна участвовать в крупных инфраструктурных инициативах, которые связывают государства региона между собой и одновременно расширяют их внешние экономические возможности. Подписание трехстороннего межправительственного соглашения 6 июня 2024 г. стало важным шагом в переводе проекта в стадию практической реализации [13]. Однако и в данном случае кооперация строится не как результат внутренней региональной интеграции в строгом смысле, а как соглашение прагматического характера между ограниченным числом участников. Более того, сам формат проекта изначально включает внешнего актора, что делает его не столько проявлением автономной центральноазиатской институционализации, сколько примером проектного взаимодействия на стыке региональных и внешних интересов.

Это означает, что в энергетике и транспорте государства Центральной Азии демонстрируют не провал интеграции, а ее проектный предел. Там, где возможно получить конкретную экономическую, инфраструктурную или стратегическую выгоду, страны готовы сотрудничать заметно активнее. Однако данное сотрудничество чаще всего остается ограниченным рамками отдельного проекта, соглашения или узкой коалиции участников. Оно не сопровождается созданием таких институтов, которые обладали бы правом координировать более широкую региональную политику, обеспечивать обязательность решений или вырабатывать единые правила для всех стран региона. Иначе говоря, успех отдельных проектов не отменяет структурных ограничений интеграции, а лишь показывает ту форму, в которой она сегодня возможна.

Особое значение в этой связи имеет роль внешних акторов и внешних институциональных платформ. В отличие от классических интеграционных моделей, где основные функции координации и контроля постепенно концентрируются внутри самого региона, в Центральной Азии значительная часть организационной, аналитической и финансовой поддержки обеспечивается внешними партнерами. Так, в транспортной сфере мониторинг эффективности коридоров осуществляется в рамках Программы регионального экономического сотрудничества в Центральной Азии с использованием специальных методик, разработанных при участии Азиатского банка развития. В энергетической и водно-энергетической сфере важную роль продолжают играть международные финансовые организации, прежде всего Всемирный банк. С одной стороны, это усиливает практическую результативность отдельных инициатив. С другой стороны, такая модель частично замещает потребность в создании сопоставимо сильных собственно региональных механизмов, поскольку государства получают возможность решать конкретные задачи, не углубляя внутреннюю институционализацию.

С точки зрения общей логики статьи данный кейс особенно важен, поскольку он демонстрирует: ограниченность интеграции в Центральной

Азии не означает отсутствия сотрудничества. Напротив, в ряде сфер государства вполне успешно координируют действия и продвигают крупные инициативы. Однако они делают это в такой форме, которая позволяет сохранить контроль над распределением выгод, объемом обязательств и пределами политической вовлеченности. Именно поэтому даже наиболее успешные проекты региона не приводят к формированию полноценной надгосударственной или общеобязательной системы координации. Неореалистическая логика здесь сохраняется полностью: государства соглашаются на сотрудничество тогда, когда оно совместимо с их автономией, но избегают такой институционализации, которая могла бы ограничить свободу дальнейшего маневра.

Таким образом, энергетика и транспорт отражают не провал регионального взаимодействия, а ограниченный, преимущественно проектный характер интеграции в Центральной Азии. Эти сферы показывают, что государства региона готовы к кооперации, если она строится вокруг конкретных инициатив, приносит измеримые выгоды и не требует передачи значительных полномочий общим институтам. Вместе с тем сама успешность таких проектов не должна вводить в заблуждение: она подтверждает не преодоление интеграционных барьеров, а адаптацию сотрудничества к тем политическим и институциональным ограничениям, которые продолжают определять развитие региона

Обсуждение

Проведенный анализ позволяет увидеть внутреннюю логику современного регионального взаимодействия в Центральной Азии. Рассмотренные политические и институциональные факторы, а также их проявление в водной, пограничной, энергетической и транспортной сферах показывают, что ограниченность интеграции имеет не ситуативный, а системный характер. Она проявляется не только в отдельных проблемных направлениях, но и в самой модели межгосударственного поведения, при которой государства региона стремятся расширять координацию, не допуская при этом формирования жестких и обязывающих наднациональных механизмов.

С этой точки зрения ограниченность интеграции в Центральной Азии является результатом сознательного выбора государств. Речь идет не о простом недостатке институтов или временной незавершенности региональных процессов, а о такой модели взаимодействия, которая соответствует базовым интересам самих участников. Государства региона заинтересованы в поддержании политического диалога, развитии прагматического сотрудничества и снижении конфликтности, однако одновременно стремятся сохранить полный контроль над наиболее чувствительными вопросами — безопасностью, распределением ресурсов, инфраструктурными маршрутами и параметрами внешнего партнерства.

Именно поэтому углубление координации не сопровождается сопоставимым углублением интеграции в классическом смысле.

В этом контексте двусторонние и узкокоалиционные форматы объективно оказываются для государств более выгодными. Они позволяют точнее учитывать национальные интересы, гибко определять объем обязательств, ограничивать круг участников и избегать создания прецедентов, которые могли бы впоследствии сузить свободу маневра. В водной сфере это проявляется в зависимости решений от текущих межгосударственных договоренностей; в пограничной – в опоре на двусторонние комиссии и прямые переговоры; в энергетике и транспорте – в продвижении конкретных проектов без перехода к всеобъемлющей региональной архитектуре. Следовательно, именно сравнительная политическая и функциональная выгода двусторонних форматов во многом объясняет, почему многосторонние институты Центральной Азии сохраняют преимущественно координационный, а не регулятивный характер.

В таком виде интеграция в Центральной Азии предстает скорее как координация, чем как интеграция в классическом смысле. В отличие от тех региональных моделей, где институты постепенно приобретают собственные полномочия, механизмы контроля и элементы надгосударственного регулирования, в Центральной Азии институционализация развивается в пределах, совместимых с сохранением национального суверенитета. Это означает, что государства готовы поддерживать регулярные встречи, принимать рамочные документы, запускать совместные проекты и развивать техническое взаимодействие, но не стремятся превращать региональные структуры в самостоятельные центры обязательного регулирования. Соответственно, ограниченность интеграции здесь объясняется не отсутствием регионального измерения как такового, а его сознательно удерживаемым политическим пределом.

Эмпирические кейсы подтверждают единство данной логики. Водные ресурсы показали, что даже в условиях высокой взаимозависимости асимметрия интересов и слабая исполнимость решений не позволяют институтам выйти на уровень устойчивого обязательного регулирования. Пограничные вопросы продемонстрировали, что в наиболее чувствительной сфере государства предпочитают сохранять урегулирование в двустороннем политическом формате, даже если сам конфликт оказывает влияние на региональную стабильность. Энергетика и транспорт, в свою очередь, показали, что кооперация может быть достаточно успешной, но чаще всего развивается как проектное взаимодействие, а не как результат глубокой региональной интеграции. Во всех трех случаях повторяется одна и та же модель: сотрудничество допускается и даже поощряется, пока оно не требует существенной передачи контроля над ключевыми решениями.

При этом сама ограниченность интеграции не означает отсутствия возможностей для постепенного усиления регионального взаимодействия.

Напротив, проведенный анализ показывает, что даже в существующих условиях государства Центральной Азии могли бы повысить эффективность сотрудничества без перехода к жесткой наднациональной модели. Речь может идти о развитии более устойчивых процедур мониторинга исполнения договоренностей, институциональном укреплении уже существующих координационных площадок, расширении мандатов технических органов в узкоспециализированных сферах, а также о переходе от преимущественно рамочных документов к более конкретным соглашениям по отдельным направлениям. Такие шаги не устранили бы всех политических противоречий, но могли бы повысить предсказуемость и практическую результативность регионального взаимодействия.

Таким образом, обсуждение подтверждает, что современная модель регионализма в Центральной Азии основана на сочетании координации и ограничений. Государства региона не отказываются от сотрудничества, однако выстраивают его в таких формах, которые не подрывают приоритет суверенитета и не создают чрезмерно обязывающих институциональных рамок. Именно это делает интеграцию в регионе избирательной, гибкой и в значительной степени проектной. Следовательно, ее пределы определяются не столько отсутствием объективных оснований для сближения, сколько политической логикой самих государств, стремящихся сохранить баланс между сотрудничеством и автономией.

Заключение

Проведенный анализ показал, что интеграционные процессы в Центральной Азии в 2016–2025 гг. развивались в условиях одновременного расширения межгосударственного взаимодействия и сохранения его структурных ограничений. Исследование политических барьеров, институциональных особенностей и эмпирических кейсов позволило установить, что региональное сотрудничество в настоящее время носит в основном координационный, а не интеграционный в классическом смысле характер. Несмотря на активизацию консультативных встреч, развитие совместных проектов и сохранение общих площадок взаимодействия, государства региона по-прежнему избегают создания жестких и обязывающих механизмов, способных ограничить их свободу политического маневра.

В этой связи ограниченность интеграции между странами Центральной Азии следует рассматривать не как временную институциональную слабость, а как результат сознательного выбора государств, стремящихся сохранить баланс между сотрудничеством и суверенной автономией. Наиболее наглядно это проявляется в том, что в чувствительных сферах – водной, пограничной, энергетической и транспортной – кооперация развивается либо в мягких многосторонних форматах, либо в виде узких проектных и двусторонних соглашений. В перспективе повышение эффективности регионального взаимодействия могло бы быть связано не с переходом к

жесткой наднациональной модели, а с постепенным укреплением уже существующих механизмов координации, развитием процедур мониторинга исполнения договоренностей и большей конкретизацией соглашений по отдельным направлениям сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Costa Buranelli F. Central Asian regionalism or Central Asian order? Some reflections // *Central Asian Affairs*. – 2021. - №1(8). – P.1–26. <https://research-repository.st-andrews.ac.uk/handle/10023/23446?show=full&> 12.03.2026

[2] Allison R. Virtual regionalism, regional structures and regime security in Central Asia // *Central Asian Survey*. – 2008. - №2 (27). – P. 185–202. https://www.researchgate.net/publication/30530229_Virtual_regionalism_regional_structures_and_regime_security_in_Central_Asia. 18.03.2026

[3] Kazhenova A.. Leaders Matter: The Regional Integration in Central Asia // *Revista Finanzas y Política Económica*. – 2024. - №2(16). – P. 489–517. <https://revfinypolecon.ucatolica.edu.co/index.php/RFYPE/article/view/6265>. 21.03.2026

[4] Costa Buranelli F. The Consultative Meetings of Heads of State of Central Asia: local norms, institutions and the fundamentals of regional order // *International Affairs*. – 2026. - №1 (102). – P.121–145. <https://academic.oup.com/ia/article/102/1/121/8379279>. 24.03.2026

[5] Tokayev K.-J. Speech at the Fourth Consultative Meeting of the Heads of States of Central Asia. Akorda. 2022, July 21. <https://www.akorda.kz/en/speech-by-president-kassym-jomart-tokayev-at-the-fourth-consultative-meeting-of-the-heads-of-states-of-central-asia-216535>. 12.02.2026

[6] The Sixth Consultative Meeting of the Heads of State of Central Asia. Akorda. 2024. https://academic.oup.com/ia/article/102/1/121/8379279?utm_source=chatgpt.com&login=false. 02.04.2026

[7] Central Asia Water and Energy Program: Annual Report 2021. World Bank. 2021. <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2024/07/11/world-bank-provides-additional-technical-support-for-clean-hydropower-energy-generation-in-the-kyrgyz-republic>. 19.03.2026

[8] Жапаров и Рахмон подписали договор о госгранице. 13.03.2025. <https://new.kaztag.kz/ru/news/zhaparov-i-rakhmon-podpisali-dogovor-o-gosgranitse>. 02.03.2026

[9]. Central Asia Water and Energy Program (CAWEP). World Bank. 2022/2023. <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2024/06/10/clean-energy-transition-in-the-kyrgyz-republic-attracts-international-donors-and-investors-at-energy-forum>. 25.03.2026

[10] The Heads of States-founders of the International Fund for Saving the Aral Sea. 2018, August 26. <https://www.mfa.gov.tm/en/articles/307> 22.02.2026

[11] Executive Committee of the International Fund for Saving the Aral

Sea (IFAS). 29.06.2021. Aral Sea Basin Program-4 (ASBP-4). <https://ecifas.kz/en/pbam/pbam-4>. 12.03.2026

[12] Cawater-info. Section 4. Cooperation between the Countries of Central Asia. 2023. https://cawater-info.net/yearbook/2023/04_yearbook2023_en.htm. 04.04.2026

[13] Heads of State of China, Kyrgyzstan and Uzbekistan Extend Congratulations on the Signing of the Trilateral Intergovernmental Agreement on the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan Railway Project. Ministry of Foreign Affairs of the PRC. 2024, June 6. https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/zyxw/202406/t20240609_11415967.html. 28.03.2026

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЕЛДЕРІ АРАСЫНДАҒЫ ИНТЕГРАЦИЯЛЫҚ КЕДЕРГІЛЕР

*Байзакова Қ.И.¹, Кукеева Ф.Т.², Зулпыхар Н.Н.³

^{*1,2,3} Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

Андатпа. Мақала қазіргі кезеңдегі (2016-2025 жж.) Орталық Азия елдері арасындағы интеграциялық кедергілерді талдауға арналған. Зерттеудің өзектілігі қарастырылып отырған кезеңде аймақта консультативтік форматтарды, бірлескен бастамалар мен инфрақұрылымдық жобаларды кеңейтумен сүйемелденетін мемлекетаралық өзара іс-қимылдың едәуір жандануымен байланысты. Осыған қарамастан, интеграция шектеулі сипатты сақтайды және ынтымақтастықтың орнықты және міндеттеуші тетіктері нысанына өтпейді.

Мақаланың мақсаты саяси, институционалдық және практикалық факторларды талдау негізінде Орталық Азиядағы интеграциялық процестердің шектеулі болу себептерін анықтау болып табылады. Зерттеудің теориялық-әдіснамалық негізін аймақтың мемлекеттерінің неге автономияны сақтауға ұмтылатынын және ұлттық құрылымдарға өкілеттіктерді беруден қашып қалатынын түсіндіруге мүмкіндік беретін неореалистік және институционалдық тәсілдер құрайды. Жұмыста ресми құжаттарды ретроспективті талдау, контент-талдау әдістері, сондай-ақ су, шекара, энергетика және көлік салаларын қарауға бағдарланған case study қолданылды.

Зерттеу нәтижесінде интеграциялық шектеулер жүйелі сипатта және аймақтық өзара іс-қимылдың барлық деңгейлерінде жаңғыртылатыны анықталды. Су саласында олар мүдделердің ассиметриясы және шешімдердің әлсіз орындалуы арқылы, шекаралық салада - екіжақты реттеудің басымдығы арқылы, энергетика мен көлікте - жобалық тәсілдің басым болуы арқылы көрінеді. Орталық Азиядағы интеграцияның шектеулі болуы мемлекеттердің саналы түрде таңдауының нәтижесі болып табылады. Әңгіме институттардың қарапайым жетіспеушілігі немесе аймақтық процестердің уақытша аяқталмауы туралы емес, қатысушылардың өздерінің

базалық мүдделеріне сәйкес келетін өзара іс-қимыл моделі туралы болып отыр. Орталық Азиядағы ықпалдастық негізінен үйлестіруші сипатта және ықпалдастықтың классикалық моделін емес, оның шектеулі, саяси бақыланатын нысанын білдіреді деген қорытынды жасалды.

Тірек сөздер: Орталық Азия, аймақтық интеграция, неореализм, институционализм, екіжақты қатынастар, су ресурстары, шекаралық қақтығыстар, энергетика, көлік жобалары, регионализм

Қаржыландыру: Бұл мақала ҚР ҒЖБМ АР26100515 «Тәуекелдерді басқару стратегиялары және геосаяси сын-қатерлер мен аймақтық тұрақсыздық жағдайында Қазақстанның сыртқы саясатын нығайту» ғылыми жобасын қаржыландыру шеңберінде дайындалды

INTEGRATION BARRIERS BETWEEN CENTRAL ASIAN COUNTRIES

* Baizakova K.I.¹, Kukeyeva F.T.,² Zhulpykhar N.N.³

^{*1,2,3} Al-Farabi Kazakh national University, Almaty, Kazakhstan

Abstract. The article is devoted to an analysis of integration barriers among the countries of Central Asia in the contemporary period (2016–2025). The relevance of the study is обусловлена by the fact that during the period under consideration, the region has experienced a notable intensification of interstate interaction, accompanied by the expansion of consultative formats, joint initiatives, and infrastructure projects. Despite this, integration remains limited in scope and has not evolved into stable and binding mechanisms of cooperation.

The aim of the article is to identify the causes of the limited nature of integration processes in Central Asia through an analysis of political, institutional, and practical factors. The theoretical and methodological framework of the study is based on neorealist and institutional approaches, which make it possible to explain why the states of the region seek to preserve autonomy and avoid delegating authority to supranational structures. The research employs methods of retrospective analysis, content analysis of official documents, and case study methodology focused on the water, border, energy, and transport sectors.

The findings demonstrate that the constraints on integration are systemic in nature and are reproduced at all levels of regional interaction. In the water sector, they manifest through asymmetry of interests and weak enforceability of decisions; in the border sphere, through the prioritization of bilateral settlement; and in energy and transport, through the predominance of a project-based approach. The limited nature of integration in Central Asia is the result of a deliberate choice by the states. It is not merely a matter of insufficient institutional development or the temporary incompleteness of regional processes, but rather reflects a model of interaction that corresponds to the fundamental interests of the participants themselves.

Keywords: Central Asia, regional integration, neorealism, institutionalism,

bilateral relations, water resources, border conflicts, energy, transport projects, regionalism

Funding: This article was prepared as part of the financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan of the scientific project AP26100515 “Risk management strategies and strengthening Kazakhstan’s foreign policy in the context of geopolitical challenges and regional instability”.

Статья поступила / Мақала түсті / Received: 22.04.2026.

Принята к публикации / Жариялауға қабылданды / Accepted: 26.06.2026

Информация об авторах:

Байзакова Куралай Иртысовна – доктор исторических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3016-4113>, e-mail: kbaizakova@mail.ru

Кукеева Фатима Тураровна, доктор исторических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4570-5680>, e-mail: fturar@mail.ru

Зулпыхар Нұрдәулет Нұржанұлы – магистрант, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан, ORCID ID: 0009-0000-4248-1955, e-mail: nurdaulet06092003@gmail.com

Авторлар туралы мәлімет:

Байзақова Құралай Иртіскызы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Алматы, Қазақстан, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3016-4113>, e-mail: kbaizakova@mail.ru

Кукеева Фатима Тураровна тарих ғылымдарының докторы, профессор, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Алматы, Қазақстан, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4570-5680>, e-mail: fturar@mail.ru

Зулпыхар Нұрдәулет Нұржанұлы – магистрант, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Алматы, Қазақстан, ORCID ID: 0009-0000-4248-1955, e-mail: nurdaulet06092003@gmail.com

Information about the authors:

Baizakova Kuralay Irtyssovna Doctor of Historical Sciences, Professor, Al-Farabi KazNU, Almaty, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0003-3016-4113>, e-mail: kbaizakova@mail.ru

Kukeyeva Fatima Turarovna Doctor of Historical Sciences, Professor, Al-Farabi KazNU, Almaty, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0003-4570-5680>, e-mail: fturar@mail.ru

Zhulpykhar Nurdaulet Nurzhanuly - MA student, Al-Farabi KazNU, Almaty, Kazakhstan, ORCID ID: 0009-0000-4248-1955, e-mail: nurdaulet06092003@gmail.com